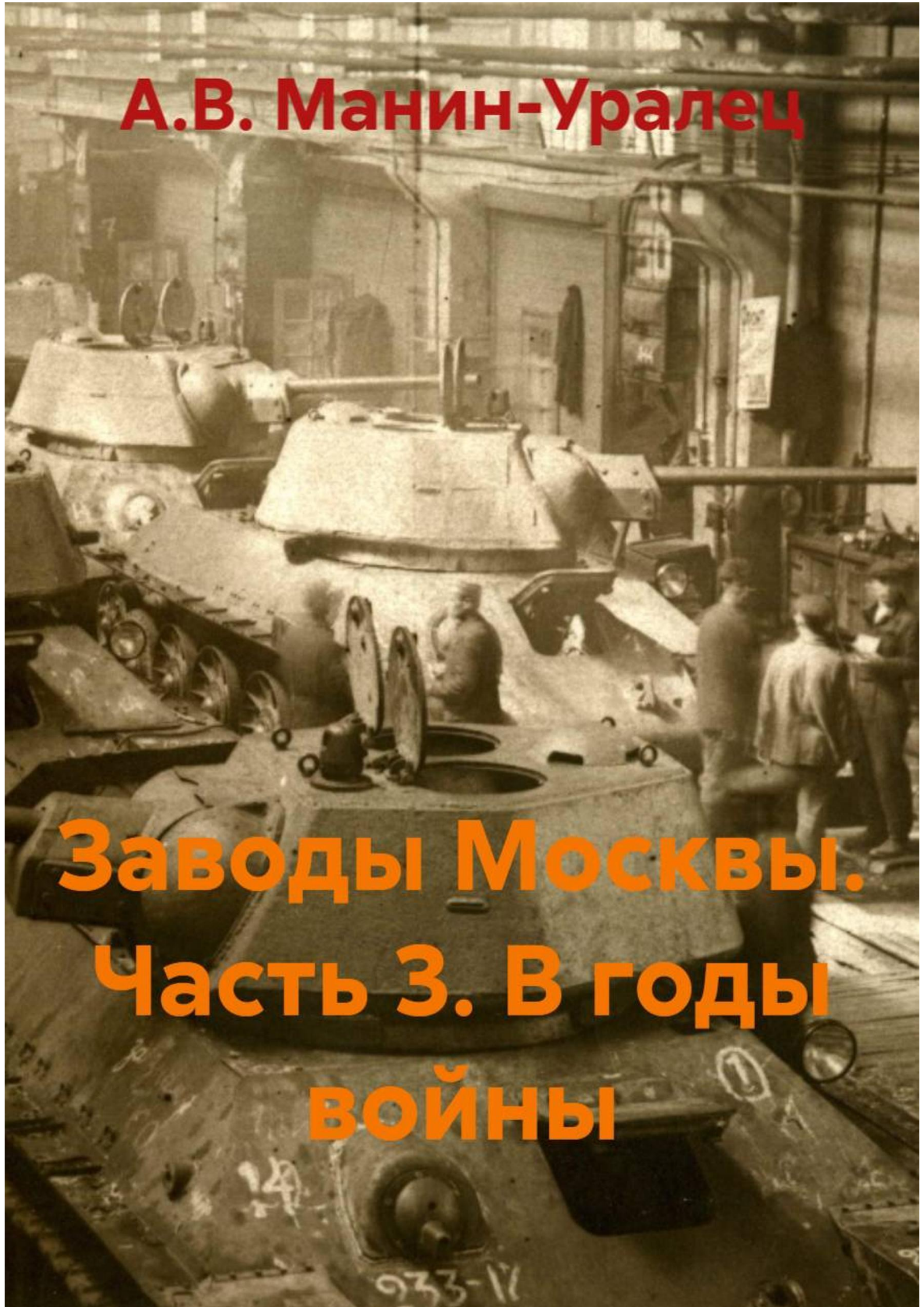

А.В. Манин-Уралец

**Заводы Москвы.
Часть 3. В годы
войны**

А.В. Манин-Уралец

Заводы Москвы.

Часть 3. В годы войны

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Заводы Москвы. Часть 3. В годы войны / А. Манин-Уралец — «Автор», 2026

В книгу вошли материалы фундаментального труда автора «Истина нас наконец нашла?!» – История Москвы и Московской области в историях заводов: век XX» издания 2016 года, а именно глава 2 «Заводы Москвы и Подмосковья во время Великой отечественной войны» (1941-1945 гг.) Источниками, вскрывающими общие признаки развития всех промышленных предприятий в условиях социализма советского образца, служат материалы написанных и опубликованных книг автора об истории десятков заводов Московского региона и Южного Урала.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

А.В. Манин-Уралец

Заводы Москвы. Часть 3. В годы войны

В данную книгу вошли материалы фундаментального труда «Истина нас наконец нашла?!» – История Москвы и Московской области в историях заводов: век XX» издания 2016 года, а именно глава 2 «Заводы Москвы и Подмосковья во время Великой Отечественной войны» (1941-1945 гг.)

Общий труд «Истина нас наконец нашла?!», как и данный его раздел, послужил источником для доказательства точных констант в историях исторических явлений и попытке доказательства существования двигателя социализма советского типа – разработанного автором исторического /и общесоциологического/ Закона Исторического потенциала советских промышленных предприятий (предприятий СССР).

В публикациях ссылки на источник означают указание страниц уже опубликованной истории промышленных предприятий, которых в общей сложности автором было изучено 50, написано и подготовлено к изданию, а затем опубликовано 30.

Это заводы Москвы, Московской области и широко известные предприятия Южного Урала.

Работа автором проведена с опорой на тысячи архивных документов, устных и письменных воспоминаний свидетелей и участников исторических событий заводской истории и истории строительства моногородов, а также на музейные экспонаты и другие источники, в т. ч. периодическую печать многотиражек промышленных предприятий, их кадровую и техническую документацию, «пояснительные записки» к годовым отчетам и другое.

Глава 2.

Заводы Москвы и Подмосковья во время Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

Истории всех московских промышленных предприятий периода Великой Отечественной войны объединяют не только общие мотивы и мотивации их коллективов в производственной, производственно-бытовой, культурно-бытовой и жилищно-бытовой сферах, но и методы выживания в сложнейших условиях, почти идентичные для всех трудовых коллективов на протяжении более четырех лет ожесточенной борьбы с Германией.

Этот фактор является одним из цементирующих для обоснования авторской гипотезы о формировании в рамках советских заводов некоего общего для всех из них исторического потенциала, который определил путь и методы развития советской промышленности и советского социализма в 1917-1991 гг., исходя из объективно складывающихся обстоятельств, в большой степени - из военных угроз в адрес СССР.

История военного периода заводов Москвы и Подмосковья включает в себя ряд главных этапов, характерных для каждого из них в одинаковой степени: сообщение о начале войны; подготовка производства на выпуск военной продукции; мобилизация, уход добровольцами на фронт и позже в народное ополчение; работы по маскировке объектов завода; обучение подростков школьного возраста от 14 лет; вклад женского персонала в выполнение военной производственной программы; экономия всех видов ресурсов и поиск резервов производства; рационализация и внедрение новых технологий, направленные на замену одних материалов другими; поиск любого доступного оборудования для наращивания мощностей производства; трудные условия работы; мероприятия по быту и соцкультбыту. А также эвакуация цехов предприятий в восточные районы страны; налаживание выпуска продукции для фронта на новых местах; восстановление московских предприятий – период реэвакуации параллельно с налажи-

ванием дублирующих производств в районах эвакуации; помощь местных властей в организации заводов и в жилищном устройстве; возникновение новых рабочих поселков; организация на заводах Москвы и Подмосковья подсобных хозяйств; вклад НИИ и заводских лабораторий в освоение новых видов продукции; переломные 1943-1944 гг.; переход на выпуск более качественной продукции и в гораздо больших, чем до войны, объемах; самоотверженный труд всех работников тыла, их общий и индивидуальный вклад в разгром врага; дополнительные социальные программы; помощь семьям фронтовиков; награждения за высокие достижения в труде и героизм и др.

Из истории завода «Вымпел»: «Германия без объявления войны вероломно напала на Советский Союз и в одночасье уничтожила огромные ресурсы оружия и боевой техники, авиационных боеприпасов и артиллерийских arsenалов. В первый же день начала войны 22 июня 1941 г. было объявлено о мобилизации в Красную армию военнообязанных и о военном положении, а также о введении мобилизационного плана по производству боеприпасов. 30 июня 1941 г. был создан Государственный комитет обороны (ГКО). На заводе состоялся общезаводской митинг, на котором со страстной речью выступил представитель райкома ВКП (б) Д. М. Берников. Он призвал коллектив завода теснее сплотить свои ряды для отпора злейшему врагу, крепить дисциплину военного времени, развернуть мероприятия по ускоренным поставкам продукции для фронта.

Без промедления на заводе развернулась подготовка военных кадров для армии. Была создана добровольная рота ополченцев... Рота насчитывала в своих рядах 53 человека, она вошла в состав районной дивизии народного ополчения» /С. 53-54/.

«В октябре 1941 г. враг был уже на подступах к Москве. 16 октября 1941 г., согласно решению МВ ВКП (б), завод был закрыт, цеха и другие здания заминированы и подготовлены к уничтожению. Было оставлено лишь до 20 токарных станков и приводных прессов для организации производства ручных гранат. Вскоре вышел приказ об эвакуации рабочих и служащих и об организации выпуска продукции. Одновременно с этим было дано распоряжение представить в комендатуру завода списки рабочих и служащих для выполнения текущих оборонных заказов.

Таким образом, работа предприятия в Москве была продолжена. Однако потребовалось включиться в поиски оборудования, которое привозили откуда только было возможно. Так, были доставлены станки, снятые с барж под городом Коломна, где баржи вросли в лед на Москве-реке. Оборудование было срочно установлено, и с этого времени начался выпуск минометных плит, головок к снарядам «Катюш» (изд. 047), ручных гранат. По мере поступления оборудования создавались новые участки и даже цеха.

На завод направлялись группы несовершеннолетних, которые отныне заменяли на рабочих местах старших братьев и отцов, ушедших на фронт. Все цеха были укомплектованы рабочими на 50-70%, в том числе и механический цех № 4 – на 60%. Здесь пополнение рабочих необходимых профессий также шло в основном за счет молодых ребят от 14 лет...» С. 55/

Из истории Московского радиотехнического завода об обстановке в начале войны: «Военный противник Советского Союза, навязавший войну, - фашистская Германия – имел хорошо вооруженную армию, прошедшую с легкими победами по странам Европы... Когда стало ясно, что идет не просто война, а война Отечественная – до полной Победы, численность работников стала быстро сокращаться: спецовки и халаты заменялись на военное обмундирование... Большое число бывших заводчан направлялось в истребительные батальоны и народное ополчение. Около 400 человек ушло добровольно в Кунцевский истребительный батальон...

Часть работников в июле 1941 года предприятие послало на Днепр сооружать противотанковые рвы...

Да, никто еще несколько недель назад не мог себе представить, что война окажется столь ужасной, и что для борьбы с фашизмом потребуются бросить все силы, которые только имелись у государства, почти всех здоровых боеспособных мужчин. Многие из них вот только что трудились за своими станками, обслуживали технологические линии: в две смены – дни и ночи, без перерывов между сменами, без выходных и, казалось, это поможет быстро разгромить врага. Но спустя всего несколько недель после начала войны, с огромной досадой, глубоко уязвленные, заводчане оказались вынужденными производить помимо патронов крупные «колючки-ежи» для использования их против механизированных войск врага, хозяйничавшего на огромных пространствах в пределах западных советских республик, а спустя еще два-три месяца эти «ежи» понадобились уже для того, чтобы опоясать ими саму Москву...

Осенью 1941 года у сбитого немецкого летчика была найдена карта с указанием на ней завода № 46. Ориентирами-целями были обозначены железные дороги и в том числе железнодорожная ветка, идущая к заводскому пруду. С целью дезориентации немецких бомбардировщиков пруд был замаскирован, все производственные корпуса выкрашены под цвет местности. Тару с территории завода вывезли. Гремучую ртуть поместили в расположенную рядом церковь. Построили ложную железнодорожную ветку, идущую от станции к другим прудам, а вокруг, из той же тары, соорудили макеты заводских корпусов. Все это оказалось не напрасным: в район «фальшивых» корпусов сбрасывались фугасные бомбы, а на территории завода – ни одной.

А враг все лез напролом. Он уже подступил к самой Москве. И 19 октября 1941 года в столице было объявлено осадное положение» /С. 28-29/.

«Принимается решение об эвакуации завода на Урал. Там, на материальной основе предприятия, в кратчайшие сроки должны сформироваться три завода – в Свердловске, Новой Ляле и в Глазове...» /С. 30/.

История защиты Москвы имеет поразительные примеры в историях его столичных заводов и заводов ближнего Подмосковья.

Московский нефтеперерабатывающий завод (до войны - поселок Капотня). В опубликованной истории есть воспоминание И. А. Егорова о защите завода от авиации:

«...Естественно, что фашистское командование, информированное агентурной сетью о работе этого стратегически важного завода, стремилось любыми путями уничтожить его. И вот с наступлением темноты 22 июля, спустя месяц после начала войны, фашистская авиация появилась над заводом... Одна фугасная бомба в первый налет легла в 100 метрах от завода...

В тот же день после первого налета был создан штаб командования... Решили построить из фанеры такой же завод в трех километрах от настоящего. Пригласили архитекторов, и стройка началась. В строительстве ложного завода задействовали около 2000 человек... Все чаще при тушении пожаров бойцы получали тяжелые ожоги...

Колоссальные физические нагрузки накладывались на психологические. По существу, мы находились на «пороховом погребке»... Семь человек «дезертировали» в Люберецкий районвоенкомат с просьбой отправить их на фронт. Что ж, по-человечески их можно было понять... Фашистская авиация нацелила свои силы на бутафорию. 90 дней и ночей продолжалась героическая «оборона» завода... Мы ликовали, что отстояли свой завод» /Стр. 44-45/.

«...Многие московские предприятия были эвакуированы на восток. Но нефтеперерабатывающий завод эвакуировать было сложно, практически невозможно. К тому же, нужда в топливе значительно возросла. Завод находился в центре страны, откуда легче и быстрее можно было доставлять горючее на фронт» /С. 45/. «К концу сорок первого года завод выпускал уже много новых видов продукции. Если до начала войны вырабатывалось только три вида нефтепродуктов, то в первые «фронтовые» месяцы завод освоил еще четыре вида нефтепродуктов, построив и оборудовав для этой цели новые цеха» /С. 49/.

Дополняют картину того периода сведения из истории Московского завода «Нефтепродукт» (в предвоенное время - завод «Нефтегаз»):

«...По железнодорожному пути к заводу подвели бронепоезд с установленными на нем зенитными орудиями. Также зенитки были расставлены почти сплошной цепью по всему периметру территории, окруженной высоким забором. На крышах цехов оборудовали пулеметные гнезда... О расположении оборонного предприятия гитлеровцы имели самые точные сведения. О важности выпускаемой на нем продукции враг мог судить по ураганному огню, которым наши зенитчики встречали «Юнкерсы», пытавшиеся обстрелять завод. По сигналам воздушной тревоги в бомбоубежище спускались все» /С. 94/.

Что касалось условий работы на заводе в этот период, то, как сообщается в данном источнике далее, «особенно трудные для работы условия были в цехах с печами «Пиккеринга». Ночью здесь постоянно не хватало свежего воздуха, так как окна плотно занавешивались – этого требовали условия светомаскировки. В помещениях плавала густая дымка, пахло газом. Рядом с печами температура достигала 40-60 градусов. А работать приходилось в ватных брюках и шерстяных фуфайках: только такая одежда спасала людей от перегрева. Когда от духоты становилось совсем невозможно, рабочие ложились у дверей и жадно ловили струйки воздуха» /С. 95/.

О вкладе в фонд Победы данного завода свидетельствуют следующие факты из воспоминаний С. Глушнева:

«...Когда началась война, автору этих строк исполнилось шесть лет. Мой отец – Глушнев Василий Ефимович, кандидат технических наук, работал тогда в Институте горючих ископаемых на Б. Калужской ул., 29. Областью его исследований было повышение октанового числа бензинов для военных самолетов.

После начала войны многих сотрудников и членов их семей эвакуировали в Казань.

Отец хотел уйти добровольцем на фронт, но как специалисту-нефтехимику ему дали бронь, а тогдашний директор ИГИ академик С. С. Наметкин направил его на завод «Нефтегаз» для продолжения исследований. В подчинении директора завода С. М. Лисичкина и профессора Н. А. Буткова отец проработал в заводской лаборатории и в лабораториях ВНИИ НП до начала 1943 года.

Именно группе сотрудников лаборатории в короткие сроки удалось разработать рецептуру и освоить выпуск горючей жидкости ОП-2 для зажигательных бутылок /«коктейль Молотова»/ и военных огнеметных установок. «Огненные гостинцы» для вражеских танков пришлись по вкусу бойцам Красной Армии, сдержавших натиск немецких полчищ под Москвой.

Безусловно, зажигательные бутылки не могли серьезно повредить танк ТIII или ТIV. Но, попадая в смотровые щели или «гусеницы», они буквально покрывали танк огнем, повергая противника в шок. Если же бутылка попадала в бензобак – гибель танка была неминуема...» /С. 95-96/.

Но главным продуктом завода во время войны являлся высококачественный толуол, используемый при производстве горючего для советских танков.

Настоящим подвигом коллектива завода в военный период в условиях острого дефицита сырья явилось освоение производства высококачественной продукции на основе низкокачественного сырья.

«... В сорок втором на завод должны были поставить 210 тысяч тонн тракторного бакинского керосина... поставили чуть более 110 тонн. Причем, часть этого керосина оказалась не тракторным, а осветительным. В первом квартале завод получил лишь четверть керосина, а всего сырья около 60%. На заводе хорошо отдавали себе отчет, что этому имелись самые серьезные причины. И никто не сомневался, что пока идет война, такое положение дел будет сохраняться. Значит, надо было выискивать новые пути помощи фронту и народному хозяйству. Приняли решение во что бы то ни стало изыскать возможности работы на новых, доступ-

ных видах сырья, «с тем, чтобы не останавливать завод, не прекращать выработку толуола для фронта и газа для Москвы...» Эту задачу решили в июне-августе 1942 г., освоив для пиролиза новый вид сырья – дизельное топливо, а с августа по декабрь – различные нефтепродукты близлежащих нефтезаводов (газойль с Завода № 16, соляр с Завода № 91, а также крекинг-полимеры с Орского завода, сернистый керосин Ишимбаевского завода).

Но и нового сырья тоже не всегда хватало. Тогда завод освоил пиролиз второстепенных продуктов и отходов (зеленого масла, сольвента, лак-олифы). Освоение этих новых, прежде не используемых видов сырья, осуществлялось одновременно с выполнением производственной программы. Это было чрезвычайно сложно. Не сразу удалось установить оптимальный режим технологий, потому первые 2 месяца каждой бригаде приходилось работать, как отмечалось, «на ощупь, так как не было досконально изучено поведение новых видов сырья при пиролизе» / С. 102-103/.

Отчитываясь перед вышестоящими организациями, руководство завода отмечало: «Годовой план по толуолу выполнен только на 76, 4%, план по пиробензолу на 83, 5%. Но несмотря на то, что завод работал с низкокачественным сырьем и переработкой своих отходов, выработка толуола /для танковой отрасли/ составила 218% по отношению к 1940 г. и 101, 8 % по отношению к 1941 г., когда завод работал только на одном тракторном керосине. В 1942 г. завод дал толуола больше, нежели за все годы существования завода» /С. 103/. Главными итогами 1942 г. стали следующие, зафиксированные в отчете: «1. Завод в условиях военного времени при остром недостатке сырья выработал толуола больше нежели за какой-либо предшествующий год. 2. Освоены без предварительных научно-исследовательских работ новые виды сырья, включая отходы собственного производства. 3. Организована и освоена выработка нового оборонного продукта (Б. Г. С.) для борьбы с танком противника. 4. Несмотря на недостаток сырья завод уделил большое внимание выработке бытового газа для Москвы, и его выработано немногим меньше, чем в 1940 и 1941 гг. 5. Большое внимание уделялось повышению отборов и увеличению мощностей завода, которые увеличены не менее чем на 30-40%. 6. Освоено производство огнеупора для ремонта печи «Пиккеринга». 7. Помимо основной производственной работы завод... изготавливал детали для гранат и работал на строительстве оборонительных укреплений вокруг г. Москвы» /С. 104/.

На первый взгляд создается впечатление, будто каждый завод справлялся со своими заданиями, как мог, по отдельности. Но реальные факты свидетельствуют, что даже в самом тяжелом 1942 г. ни один завод Москвы и Подмосковья, восстанавливая производство, проводя реконструкцию в период реэвакуации, не оставался без «шефства над ним», хотя бы и частичного и минимального, со стороны различных подрядных организаций. Да и на самих заводах нельзя было обойтись без структуры вспомогательных цехов, несмотря на острый дефицит кадров, которых в отдельных подразделениях работало считанные единицы.

На Нефтегазовом заводе «на военную программу задействованы газовый отдел, восемь корпусов,... лаборатория, а также стройотдел, механическая мастерская, хозяйственно-транспортный отдел, механическая мастерская, хозяйственно-транспортный отдел, отдел снабжения, отдел капитального строительства (ОКС), энергобюро. Завод постоянно имел связь с десятками различных организаций, что естественно; ведь работая каждое в отдельности, в конечном итоге все предприятия трудились на общую цель, под централизованным управлением. У завода «Нефтегаз № 1» были свои подрядные, в т. ч. инженерно-технические, проектные организации, помогавшие поддерживать производство в работоспособном состоянии. Это «Нефтьзаводпроект», Строительно-монтажная контора № 1 треста «Нефтезаводстрой», Проектно-сметная контора «Моспромстрой», 1-я Архитектурная Проектная мастерская, Центральная лаборатория треста «Строитель», контора «Жилстроя» и др. Для укрепления позиций завода в августе 1942 г. в его штат перевели бойцов 1-го отряда 822-й Рабоче-строительной колонны в составе около 50 человек...» /С.100/.

Примечательно, что на всех очень тяжелых работах даже с повышенной степенью опасности на «Нефтегазе № 1» уже работало большое число женского персонала.

Во всех историях заводов военного периода, как и в данном историческом источнике, отмечена высокая роль женщин-работниц, а также подростков, в выполнении самых сложных производственных программ. Причем, основное их число обучалось прямо в цехах. Так, из истории завода «Нефтегаз» узнаем: «...В 1941 году удалось организовать курсы обучения для 220 человек. Правда, в условиях военного времени за полгода их окончили только 86 человек... Все обучение рабочих осуществлялось, главным образом, методом бригадного и индивидуального обучения – непосредственно на рабочих местах, а также в виде производственного инструктажа. Скоростным методом обучали практическим навыкам. В частности, женщин-реторщиц для газового отделения... Они заменили мужчин (всего 241 человека) обучившись разным специальностям, «начиная от штукатуров и кончая реторщицами – 82 женщины».

Но часть из вновь прибывших работниц выполняла самую черновую работу, вне штатного расписания, нередко и по несколько человек на участке вместо одного крепкого работника-мужчины, ушедшего на войну.

И все же работницы очень быстро подтягивали свою квалификацию. В результате в 1941 году из 442 рабочих с квалификацией 218 были женщины, всего же в общем списке из 850 человек насчитывалось 373 работницы. Неквалифицированных рабочих было около 150 человек, из них женщин – всего около двух десятков. 26 работниц занимали инженерно-технические должности, 88 – должности служащих и 22 – младшего обслуживающего персонала».

/С. 98/.

В истории Московского нефтеперерабатывающего завода также отмечен этот фактор. «Ничем не заменимую роль в достижении высоких результатов завода сыграли во время войны женщины. Они проявляли мужество и героизм, отдавая свои силы и энергию, чтобы обеспечить Красную Армию и всю страну такой нужной продукцией, многие из женщин овладели мужскими специальностями, – повествуют строки документа заводского музея. – На предприятии во время войны стало работать 439 женщин. Честь и слава их самоотверженному труду!» / С. 55/.

Не от хорошей жизни переложили на хрупкие женские плечи тяжкий груз забот работницы-мужчины. Многие из них уже никогда не заменят женщин на своих рабочих местах. Тема нехватки рабочих рук со времен войны и после становится одной из самых распространенных на всех этапах развития любого завода.

Из воспоминания бывшего директора Московского завода «Каучук» А. А. Сергеева: «Первый военный заказ мы получили на аэростаты воздушного заграждения... Чтобы обеспечить выполнение этих заданий «Каучуку» передали большое помещение гаража, расположенного на малой Трубецкой улице. Исполком Моссовета помог оборудовать его. Необходимые станки и инвентарь получили с разных предприятий Москвы. Получив военный заказ, завод тот час же столкнулся с большой трудностью: не хватало людей... Ведь «каучуковцы» проводили на фронт многих своих товарищей. На помощь пришли Московский городской и Фрунзенский районный комитеты партии. С других столичных заводов и из учреждений на «Каучук» направили 900 человек. Почти все они заняли места в цехе, выпускающем военную продукцию. Кадровые работники предприятия стали их инструкторами. Были у нас конвейеры, которые мы называли военными. На этих конвейерах работали пришедшие на завод жены офицеров. Очень хорошо и прилежно они трудились...» /С. 54-55/.

Работницы, изготавливавшие аэростаты, понимали, что своим трудом они как бы закрывают небо столицы от фашистских самолетов. Домой уходили лишь выполнив задание. Если в мирное время за месяц выпускались три-четыре аэростата, то в начале войны их производство увеличилось в несколько раз.

Москва и Московская область были объявлены на угрожаемом положении в связи с опасностью воздушного нападения. С 22 июля по 22 августа было совершено 24 воздушных налета на Москву, но лишь отдельные самолеты прорывались и сбрасывали на город бомбы. Командующий ПВО столицы генерал Д. А. Журавлев вспоминал: «Военный пейзаж столицы нельзя представить без аэростатов... Главное в том, что аэростаты заставили противника летать на больших высотах – в 6-7 километров, и о прицельном бомбометании уже не могло быть и речи.

В результате, за время вражеских налетов в Москве не был (полностью) выведен из строя ни один важный оборонный объект» /С. 55/.

«В осенние дни 1941 года каждый танк, каждый самолет имел особую ценность. Поэтому силу закона приобрело требование Государственного Комитета Обороны работать и выдавать продукцию до последней возможности.

Демонтаж предприятий разрешался лишь по приказу уполномоченного ГКО или наркомата... Вскоре такой приказ получил и «Каучук». Завод эвакуировался в города Свердловск, Билимбай и Саратов. Начался демонтаж основного технологического оборудования. В течение месяца шла эта работа...» /С. 57/.

Надо обратить внимание на тот факт, что многие предприятия эвакуировались не полностью, некоторые цеха оставались на месте, и, как правило, на их основе вскоре начиналось восстановление производства или налаживание выпуска новых видов продукции.

На «Каучуке» «на месте осталась лишь охрана да часть рабочих и командного состава. Директор завода, начальники цехов жили на казарменном положении, не покидая своих рабочих мест. В механическом и некоторых других цехах стали делать детали для снарядов и гранат» /С. 58/.

В местах эвакуации, тем временем, несмотря на жесточайшие условия, в которых москвичам приходилось демонстрировать высочайший класс профессионализма, налаживая выпуск военной продукции, уже становился реальностью фактор самого тесного слияния и взаимодействия местных географических, горных, природных, материальных, трудовых и других ресурсов с передовыми технико-технологическими ресурсами Москвы и Подмосковья. Все это позволяло в кратчайшие сроки поднимать с колес заводы и даже внедрять на них новые технологии, позволяющие выпускать необходимые для армии изделия.

«В городе Билимбае Свердловской области на основе оборудования и кадров «Каучука» в 1942 году вырос завод по производству инженерного имущества. За несколько месяцев был сооружен огромный специальный корпус. Подлинный героизм при строительстве его и организации производства проявили эвакуированные из Ленинграда жены офицеров, местные женщины, ребята 14-16 лет. Все они работали, не считаясь со временем. Обеды в столовой были скудные: щи из мороженой капусты, картошка. Но никто не жаловался. Большую помощь во время строительства и становления этого предприятия оказали Свердловский обком партии и его секретарь по промышленности. С октября 1942 года здесь начался выпуск продукции».

/С. 60/.

Часть оборудования рассредоточили в городе Миассе на Южном Урале.

О роли местных властей, секретарей обкомов партии в работе по налаживанию новых производств и устройству быта прибывших работников Москвы и Подмосковья упоминается в разных историях заводов. В частности, в истории Уральского автомобильного завода, созданного на базе цехов Московского «ЗИСа», изученной автором данной книги: о роли в организации Автотракторного завода в Миассе первого секретаря обкома партии Н. С. Патоличева (Уральский автомобильный. ЮУКИ, 1987, с. 33); о роли в организации расселения прибывших москвичей в Миасском районе секретаря Миасского райкома партии С. К. Петрова /Там же, с. 11/.

Отдельным этапом развития заводов, ставшим этапом и по организации новых заводов в столице на различных освобожденных площадях, становится этап реэвакуации заводов в Москву и другие города Московской области.

«Разгром немецко-фашистских захватчиков под Москвой в декабре 1941 года внес изменения в военную обстановку, и ГКО решил срочно восстановить многие московские предприятия. Восстановительный период был очень трудным, так как все важнейшее оборудование осенью отправили на Урал. Не было и рабочих нужной квалификации» /С. 61/.

«...Вначале восстановление сводилось лишь к установке мелкого оборудования, работа шла главным образом с применением ручного труда. Но по-настоящему оно развернулось в апреле-мае 1942 года, когда возвратилась из Свердловска часть оборудования... Если на 1 января 1942 года коллектив «Каучука» насчитывал всего около 700 человек, то к 1 января 1943 года на нем работало уже более 3000 человек.

Из них большая часть никогда раньше не трудилась на производстве – это были под-
ростки и женщины» /С.63/.

Для выполнения особо сложных задач в той обстановке мало было просто обучить новичков, а также добыть пригодное под восстановление оборудование, требовались классные специалисты и специальное оборудование.

На примере истории завода «Вымпел» о периоде, следовавшем после эвакуации цехов на Урал, включая период реэвакуации и полного восстановления завода, можно заключить, что связь между остававшимися в Москве заводами и теми, что работали на востоке страны, была постоянной и достаточно мобильной. В стране сохранялся полный контроль над кооперацией всех важнейших производств.

«В 1-м квартале 1942 г. в ходе разгрома немецких войск под Москвой, завод получил новое задание: выпустить 26 000 штук 120-миллиметровых мин. Но для этого требовалось /еще/ не менее 80 единиц оборудования. А ведь выполнялись и другие сложные заказы. Директором завода А. А. Шибаевым (проработал в этой должности с 1941 по 1945 гг.) были приняты эффективные меры для поиска и переброски необходимых станков на завод как из Москвы, так и районов Московской области.

За короткое время было изыскано и доставлено около 100 станков, но, в силу крайней изношенности, они все же не могли обеспечить всей потребности завода в новых мощностях. Тогда по решению ГКО, в конце марта 1942 г. на завод возвратили часть оборудования из уральских городов - Миасса и Аягузы. Восстанавливались опустошенные цеха, наращивались производственные мощности. Для производства мин один цех был выделен в самостоятельную единицу с организацией в нем поточного изготовления изделий (опыт организации поточных линий был приобретен еще до войны). Были вновь восстановлены кузнечный и механический цеха, ацетиленово-кислородная и компрессорная станции; инструментальный и штамповочный цеха. Произведен монтаж трансформаторной подстанции, смонтированы и проложены (заново) низковольтная и высоковольтная сети завода, восстановлено освещение цехов. Из-за отсутствия жидкого топлива было решено перевести производственно-технологические процессы на твердое топливо. Так, например, кузнечный цех перешел на использование в качестве топлива подмосковного угля, для сжигания которого в котельных и кузнечных цехах делались выносные топki. Кузнецам приходилось работать в сильно загазованных помещениях; детали обмазывались хлористым калием от засернения. Но других условий для работы не имелось.

В течение 1942 г. коллектив смонтировал и ввел в эксплуатацию 345 единиц оборудования.

В сентябре 1942 г. ГКО новым постановлением восстановил производственный профиль завода – авиабомбостроение» /С. 56-57/. В 1942 г. завод изготовил для фронта 67 220 штук мин М-120; было освоено и выпускалось всего 17 видов новой военной продукции. В августе 1943 г. был пущен в эксплуатацию литейный цех по выпуску корпусов фугасных бомб ФАБ-250 из

чугуна... производством были освоены ФАБ-100 и ФАБ-250 сварной конструкции из литья, а также ПТАБ-1, 5 (противотанковые авиабомбы). Завод был способен давать в сутки /помимо другой продукции/ до 600 бомб разных калибров, общим весом около 150 тонн...» /С. 58/.

Смена производственного профиля по оборонным заказам на заводах оборонного комплекса не всегда требовала коренной перестройки производства и отзывалась не столь болезненно на коллективе завода, имевшем необходимый минимальный объем оборудования и необходимую квалификацию. Однако многим заводам потребовалась коренная перестройка, в таких случаях приходилось даже отказываться от большого числа бывших работников или серьезно их переобучать.

В истории Московского машиностроительного завода «Вперед» отмечается: «...Завод № 3 Главвоенстроя СНК СССР, вначале специализировавшийся на изготовлении деревянных труб, стройдеталей и мебели, имевший до начала войны более 6500 квадратных метров производственных площадей, перешел в непосредственное ведение Народного комиссариата обороны, после чего его было решено перепрофилировать на изготовление моноблочных деревянных винтов и деревянных лопастей к винтам изменяемого шага (ВИШ). Производственные мощности предприятия, станочный парк которого на 90% был ориентирован на обработку деревянных деталей и материалов, а также опыт их освоения позволяли осуществить поставленную задачу в намеченные правительством самые сжатые сроки. 23 июля 1941 г., спустя месяц после начала войны, согласно распоряжению Совета Народного Хозяйства СССР, завод был передан в структуру авиационной промышленности. А вскоре приказом Народного комиссариата авиационной промышленности СССР № 800 от 6 августа 1941 г. предприятие переименовывается в «Государственный завод № 383 НКАП»... /С. 7/.

В период перепрофилирования производства и перехода его на военные рельсы цеха покинули сотни работников, далеко не везде можно было говорить о должной организации труда. Однако... при умелом использовании всех имеющихся производственных, материальных, трудовых ресурсов спустя всего несколько месяцев удалось выдать фронтową продукцию. Это была первая партия воздушных винтов, и ее торжественно передали военным инженерам государственной приемки НКАП.

Создателями авиационных изделий в тот период, наряду с кадровыми рабочими, мастерами, были также десятки привлеченных к труду на военизированном заводе подростков, школьников в возрасте от 14 лет. Ветераны завода вспоминали, что иным из этих юных «борцов за фронтową программу», осваивавшим навыки токарей, фрезеровщиков, слесарей-сборщиков, изготавливали специальные помосты, так как были они слишком малого роста, и таких помостов у станков и верстаков можно было видеть много повсюду...

Когда военный завод № 383 набрал обороты, достиг запланированных мощностей, а немецкие армии слишком близко подошли к Москве, заводское производство было остановлено. Приказом по заводу началась подготовка к эвакуации. Была создана особая группа работников, переведенная на казарменное положение. Днем и ночью эта группа осуществляла организацию и контроль за выполнением мероприятий по демонтажу станков и оборудования, их упаковке вместе с инструментарием и оснасткой, сбору и связке силовых кабелей, по оказанию помощи взрывникам, готовящим цеха к разрушению в случае прорыва немцев в город.

Это были очень страшные для коллектива часы, когда большинству работников предприсывалось получить задолженность по зарплате и в дальнейшем самим распоряжаться своей судьбой. Но сформированные для отправки в эвакуацию бригады и все, кто не хотел покидать завод, до последнего момента оставались в его цехах.

Тем временем, специально откомандированные в районы эвакуации представители завода выполняли на месте свою очень трудную и чрезвычайно ответственную миссию в поисках подходящих для приема и размещения цехов и кадров капитальных строений или хотя бы пригодных для быстрой реконструкции помещений. Порой было достаточно, чтобы эти объ-

екты имели хотя бы либо стены, либо крышу: так много заводов и фабрик в одночасье были перемещены в восточные районы страны.

На самом деле, многим эвакуированным коллективам приходилось самим возводить стены, если производство в срочном порядке сосредотачивалось под временной крышей. А зимой – долго еще работать в не отапливаемых помещениях, обогреваясь у бочек с карбидными лампами, разводя костры и подогревая эмульсию, чтобы могли работать металлообрабатывающие станки.

В истории завода хранятся такие документальные сведения и воспоминания об этом периоде. «К месту предполагаемого размещения завода в начале ноября 1941 года откомандировали комиссию. В письме членов комиссии от 14 ноября 1941 года сообщалось: «... Прибыв 14 ноября в Йошкар-Олу, выяснили, что мебельная фабрика еще 14 августа 41 г. постановлением Комитета обороны передана заводу № 297 Наркомата вооружения. Фабрика представляет собой одноэтажный барак площадью 400 квадратных метров без паросиловой и энергетической базы и совершенно непригодна для базирования на ней нашего завода...» Далее говорится, что «комиссия осмотрела также Лопатинский деревообрабатывающий комбинат в г. Волжск (Лопатино) Марийской республики и пришла к заключению о полной пригодности его к размещению завода»... /С. 9-10/.

«К великой радости, к счастью для советских людей в преддверии 1942 г. немецкие войска были отброшены от Москвы на 150-400 километров. Эвакуировать завод не пришлось. Оборудование, которое уже было упаковано («законсервировано») и погружено в вагоны, вскоре выгрузили обратно на заводе. Можно представить чувства людей, получивших право не покидать родную столицу, свои дома. С каким порывом счастья и надежды на скорейший разгром врага устанавливались на прежние места станки и оборудование, монтировались, подключались к электросетям, включались в работу» /С. 10/.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.